
Змешанае беларуска-рускае маўленне ў Беларусі

Герд ХЕНЧЕЛЬ (Ольденбург)

НЕКОТОРЫЕ РАЗЛИЧИЯ И СХОДСТВА В СМЕШАННОЙ БЕЛОРУССКО-РУССКОЙ РЕЧИ В РАЗНЫХ БЕЛОРУССКИХ ГОРОДАХ И У РАЗНЫХ ГОВОРЯЩИХ

Введение

При исследовании форм смешанной речи, основывающихся на двух языках, языковедов, прежде всего, интересует, какова доля того или иного исходного языка в смешанной речи. Данный общий вопрос имеет как количественный, так и качественный аспект. Один из главных вопросов, касающихся качественного аспекта смешанной речи, состоит в следующем: является ли смешение совершенно спонтанным или по крайней мере частично конвенционализированным? Другими словами, не находят ли исходные языки свое отражение в разных «структурных позициях»? Если это так, то речь идет скорее не о «смешанной речи» (в синхронном смысле), а о новой смешанной системе.

Не считая пиджинов и креольских языков, в современных исследованиях по «смешанным языкам» лингвисты исходят из того, что для смешанного языка характерен *lexicon-grammar-split*. Это примерно обозначает, что большинство грамматических элементов нового смешанного языка происходит из одного языка-источника, в то время как лексические – преимущественно из другого¹. По крайней мере, так бывает тогда, когда смешанный язык возникает из контакта двух типологически и структурно непохожих языков.

Однако при контакте диалектов одного языка, т. е. между системами, похожими по своей структуре, в образовавшемся из них новом смешанном диалекте перераспределение лексических и грамматических элементов и структур из исходных диалектов ориентировано скорее не на основное разделение грамматики и лексики. Наблюдаются более мелкое перераспределение, известное как *dialect levelling*. Это значит, что даже внутри отдельных парадигм склонения или спряжения могут закрепиться, например, некоторые окончания из одного исходного диалекта, другие из другого. Контакт между белорусским и русским языками в структурном плане напоминает скорее контакт между диалектами одного языка, чем контакт между структурно различными языками, как, например, немецкий и польский или русский и карельский.

В многоязычных или многодиалектных обществах, в которых наблюдается как смешанная речь, так и одновременное более или менее «чистое» употребление обоих (или нескольких) исходных языков или диалектов, ответить на вопрос о том, является ли смешение спонтанным или конвенционализированным, как правило, довольно сложно, особенно тогда, когда контактные языки близкородственны и структурно похожи. В смешанной речи, основанной на близких друг другу языках, во всех структурных позициях возможны, как кажется, элементы как из одного, так и из другого исходного языка или диалекта, потому что в принципе смешанная речь может быть частично спонтанной и частично конвенционализированной. В таком случае для лингвистов в методическом плане важен количественный аспект описания доли того или другого исходного языка в смешанной речи, т. е. количественный анализ. (В социолингвистике на это впервые указал Лабов.) В таких ситуациях возникает вопрос, есть ли существенные (неслучайные) различия в доле элементов того или иного исходного языка или диалекта в разных структурных позициях. Если на самом деле наблюдаются достаточно стабильные (пусть не абсолютно детерминистские) количественные тенденции распределения элементов из контактных языков в смешанной речи, это значит, что смешанная речь только частично спонтанна, а частично конвенционализирована, т. е. закономерна. (Традиционное языкознание, деструктурное, структурное или генеративное, такие тенденции, как правило, не интересуют).

Количественный анализ систематических тенденций в формах смешанной речи осложняется тем, что владение одним из контакт-

ных языков, а также их употребление и появление смешанной речи зависят от многих внеязыковых факторов. Речь идет о таких индивидуальных факторах как возраст, образование, сельское или городское происхождение носителей, а также о ситуативных факторах, таких как тема и участники разговоров, а также региональных (диалектных) различиях.

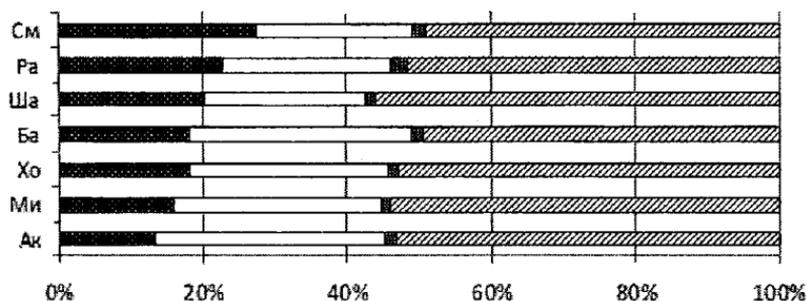
На фоне данных теоретических размышлений далее будет представлен ряд количественных наблюдений над белорусско-русской смешанной речью. В центре внимания различия в семи городах Беларуси, в которых был собран языковой материал, а также индивидуальная вариация отдельных информантов. Т. е., с разных точек зрения будет показано, какова доля белорусских и русских элементов в речи наших информантов. Представленные ниже рассуждения не преследуют цель дать окончательный ответ на вопрос о спонтанном или конвенционализированном характере смешанной белорусско-русской речи. Целью являются скорее основные количественные наблюдения относительно доли белорусского и русского языков в смешанной речи, точнее, относительно колебаний в этих количественных отношениях, в разных городах и у разных говорящих.

Если определять долю белорусского и русского языков в смешанной речи на уровне таких языковых знаков как морфема, словоформа или высказывание, то кроме русских и белорусских элементов следует учитывать также общие и гибридные. Определение языкового знака как «белорусского, русского, гибридного» или «общего», осуществляется на двух уровнях². Данные уровни различил еще полвека назад французский лингвист Андре Мартинет (MARTINET 1949), введя термин «двойная артикуляция». К «первой артикуляции» относятся все структурные уровни, кроме фонетики и фонологии, т. е. лексика, синтаксис, морфология и морфонология. «Вторая артикуляция» – это фонетика и фонология. Различение данных уровней при количественном анализе позволяет определить, в какой мере белорусско-русская смешанная речь является «поверхностным» феноменом произношения и в какой мере она затрагивает «глубинные» языковые уровни, которые, разумеется, вызывают наибольший интерес.

Анализ

Корпус основан на записях семейных разговоров в Барановичах, Минске, Рогачеве, Октябрьском, Сморгони, Шарковщине (см. NENTSCHEL 2008, 175–179). Сначала сконцентрируем свое внимание на количественном анализе смешанной речи без учета фонетики и фонологии и начнем со словоформ. Общее количество проанализированных словоформ – 146.000, количество информан-

тов – 117. На каждый город приходится 22.000–24.000 словоформ, только на Октябрьский 9.000 словоформ³.

	Ак	Ми	Хо	Ба	Ша	Ра	См
шрифты общ.	53,22	54,01	53,11	49,38	55,96	51,41	48,95
гибр.	1,46	1,16	1,16	1,62	1,28	2,38	1,90
рус.	32,11	29,00	27,59	30,79	22,46	23,56	21,62
бел.	13,20	15,82	18,13	18,20	20,30	22,65	27,53

Диаграмма 1: Словоформы – «первая артикуляция» – в семи городах

Исходя из диаграммы 1, можно сделать следующие наблюдения: (1) доля гибридных словоформ во всех городах невелика, менее 3 %; (2) очень стабильна и велика доля общих словоформ, которая варьирует в пределах 50 %; (3) более заметной вариации подвергаются соотношению белорусских и русских словоформ. В Минске, Хотимске, Октябрьском и Барановичах русские словоформы явно преобладают над белорусскими. Только в Сморгони белорусские словоформы слегка преобладают над русскими.

Возникает вопрос, в какой мере данные средние показатели по городам отражают общие тенденции. Первое, что следовало бы проверить: как данные количественные соотношения представлены у отдельных информантов в отдельных городах. Ниже представлен обзор, опирающийся на анализ смешанной речи информантов, у которых в корпусе насчитывается более 1.000 словоформ. Это 41 информант. Запись их речи насчитывает в общей сложности 132.000 словоформ, что составляет примерно 90 % всего корпуса.

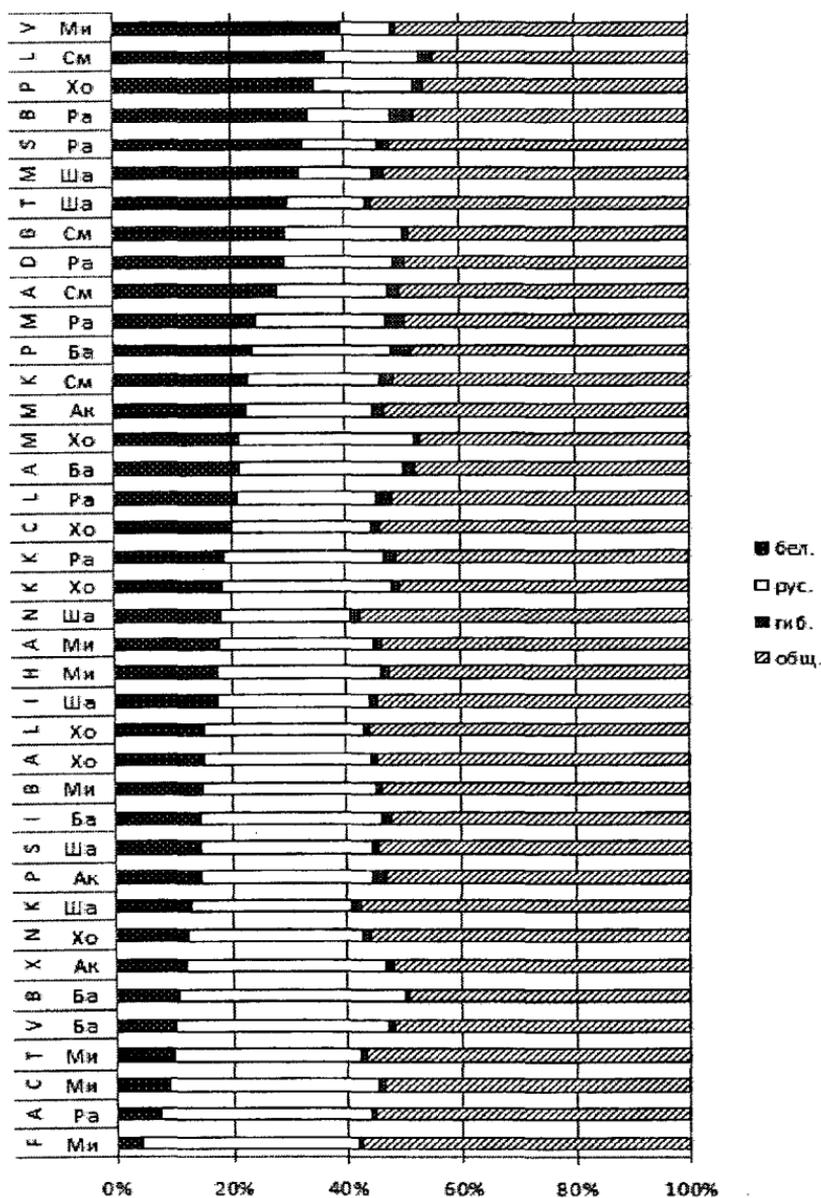

Диаграмма 2: Словоформы – «первая артикуляция» – отдельные информанты

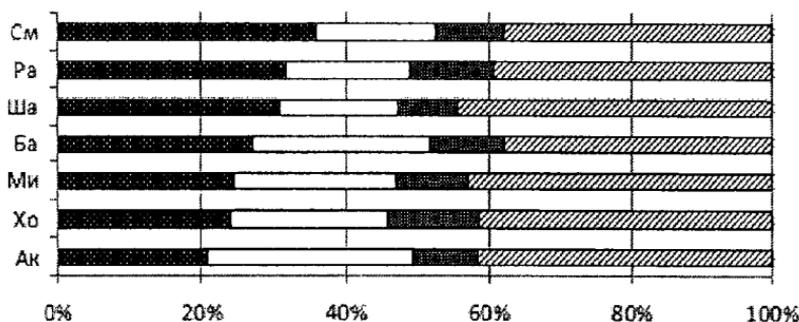
При сравнении речи отдельных информантов подтверждаются общие наблюдения (представленные в диаграмме 1): (1) гибридные словоформы встречаются довольно редко (не выше 3 %); (2) доля общих элементов варьирует в пределах 50 % (минимум 45 %, максимум 58 %). Также подтверждается, что (3) самая сильная вариация наблюдается между русскими и белорусскими элементами. По сравнению со средними показателями по городам, вариация у отдельных информантов более выражена. Наблюдаются такие крайности: у одного информанта (F-Ми) наблюдаются 4 % белорусских словоформ и 39 % русских; у другого (V-Ми) 39 % белорусских словоформ противопоставляются 8 % русских. Общим показателем для обоих информантов (причем оба из Минска) является доля гибридных словоформ (менее 1 %) и общих словоформ (более 50 %!). Однако у большей части информантов соотношение белорусских и русских словоформ относительно уравновешенное.

Перейдем к «поверхностному» фонетико-фонологическому уровню гибридности «трясочной речи». В данный момент наши данные позволяют нам учитывать «только» семь фонетико-фонологических различий между русским и белорусским языком, но они являются самыми значительными: (1) бел. /ʎ/ – русск. /g/; (2) бел. яканьё – русск. иканьё⁴; (3) бел. дзеканьё / цеканьё – русск. /t', d'/; (4) бел. «твердое» произношение /č, šč/ – русск. «мягкое» их произношение; (5) бел. «твердое» /g/ вместо русск. «мягкого»; (6) бел. [ũ] вместо русск. /v/, /l/; (7) бел. приставной /v/ перед ударными /u/, /o/ – русск. отсутствие таковых.

При учете данных параметров, доля белорусских элементов увеличивается с 20 % до 30 %, а доля гибридных словоформ повышается в шесть раз: с 1,5 % до 10 %. Количество русских и общих словоформ соответственно уменьшается. Это объясняется тем, что влияние белорусского языка на произношение очень высоко, так что морфологически общие словоформы переходят в разряд белорусских, а морфологически русские, в свою очередь, в разряд гибридных (Диаграмма 3).

Произношение в белорусско-русской смешанной речи, как правило, белорусское, хотя, если сравнить семь выше названных факторов, заметны различия, которые без детальных комментариев представлены в диаграмме 4 (указывается лишь на большую степень морфонологизации присутствия или отсутствия приставного /v/ и иканья).

Итак, смешанная белорусско-русская речь основывается, в сущности, на вариации доли белорусских и русских словоформ у отдельных индивидов. Таким образом, можно проанализировать

	Ак	Хо	Ми	Ба	Ша	Ра	См
▨ общ.	41,61	41,19	43,03	37,77	44,21	39,37	37,73
▤ гибр.	8,77	12,75	10,07	10,55	8,61	11,63	9,53
□ рус.	28,79	22,06	22,40	24,70	16,31	17,17	16,78
■ бел.	20,83	24,00	24,50	26,98	30,87	31,83	35,96

Диаграмма 3: Словоформы – «первая» и «вторая артикуляция» – в семи городах

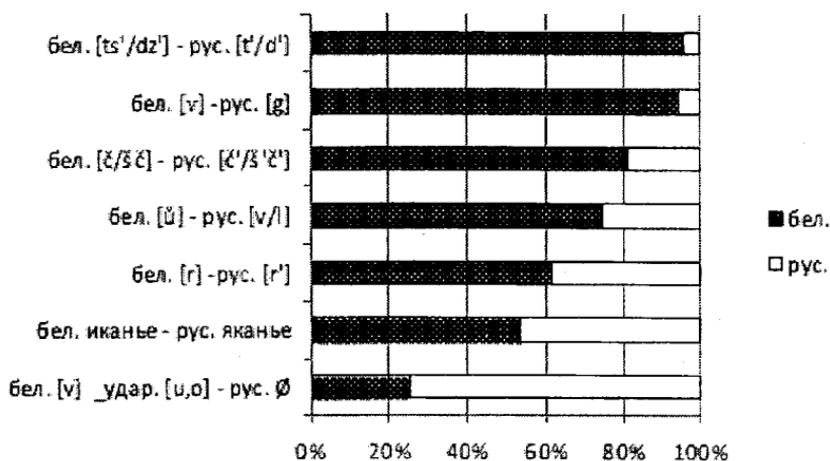

Диаграмма 4: Фонетико-фонологические различия между белорусским и русским языком и их проявление в смешанной речи

материал относительно переключения и / или смешения кодов⁵. В этой связи перейдем к анализу смешанной речи на уровне высказываний. Следующая диаграмма трактует 33 информантов, которые представлены в корпусе более чем 250 высказываниями⁶. Это составляет примерно 90 % из 29 000 до сих пор обработанных высказываний⁷. На диаграммах 5 и 6 представлены отдельные информанты. Они сгруппированы по городам. В диаграмме 5 учитывается только «первая артикуляция» (т. е. структуры, кроме фонетических и фонологических), в диаграмме 6 учитывается как «первая», так и «вторая артикуляция», т. е. и фонетика / фонология. Следующие две диаграммы, 7 и 8, объединяют результаты по городам:

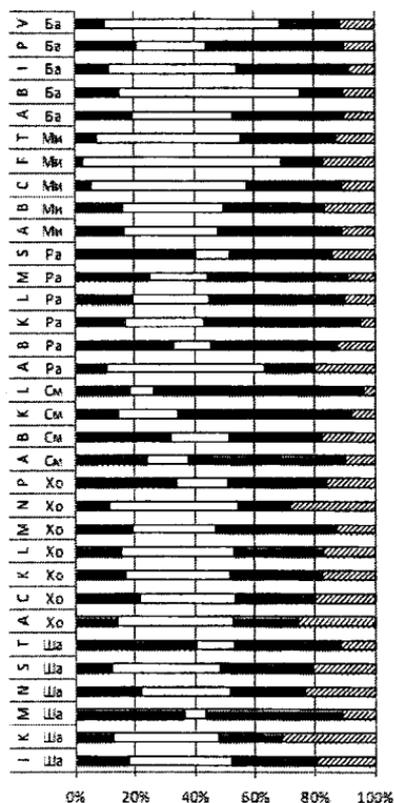

Диаграмма 5: Высказывания — только «первая артикуляция»

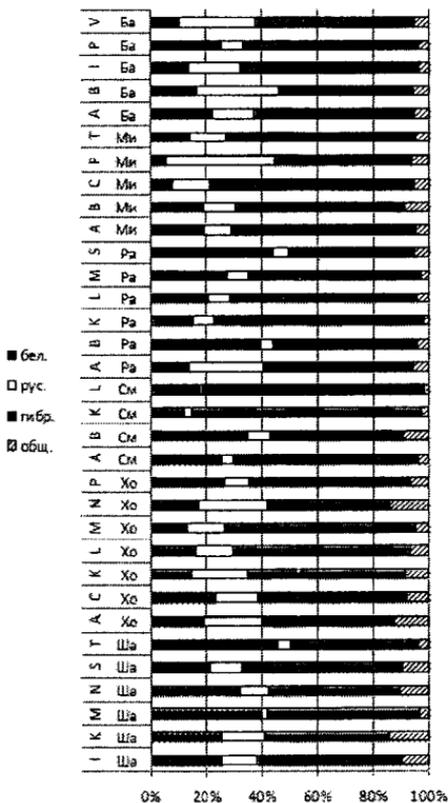

Диаграмма 6: Высказывания — «первая» И «вторая артикуляция»

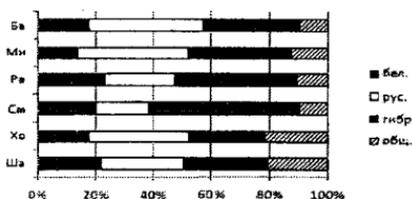

Диаграмма 7: Высказывания –
олько «первая артикуляция»
по городам

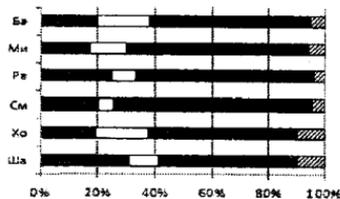

Диаграмма 8: Высказывания –
«первая» И «вторая
артикуляция» по городам

Основные результаты:

1. В корпусе наблюдается много гибридных высказываний. Если учитывать только первую артикуляцию, то они составляют примерно 10.000, т. е. более одной трети всех высказываний. Т. е. смешанная белорусско-русская речь характеризуется переключением кодов как между отдельными высказываниями, так и внутри отдельных высказываний. Если дополнительно учитывать фонетику и фонологию, то гибридных высказываний примерно 17.000, т. е. почти две трети всех высказываний.

2. У отдельных информантов гибридность также сильно варьирует: если учитывать глубинные структуры, у отдельных информантов наблюдаются минимум 14 % и максимум 69 % гибридных высказываний. Однако, если учитывать и фонетику / фонологию, то встречаются информанты, у которых гибридные высказывания варьируют от 44 % до 83 %. Т. е. минимум увеличивается на 30 %, максимум только на 14 %. Это значит, что индивидуальное количественное варьирование при учете фонетики и фонологии снижается.

3. Данное обстоятельство зависит от следующего: у информантов, у которых на «глубинных» уровнях доля русских высказываний бывает велика, наблюдается мало гибридных и белорусских высказываний (напр. V-Ба, F-Ми, A-Па, N-Хо). Однако при учете фонетики и фонологии доля русских высказываний сильно уменьшается. Без учета произношения русские высказывания составляют 30 %, а с учетом произношения – 13 %. Очень часто они произносятся с белорусской или с «гибридной» фонетикой. Но есть и информанты, у которых и без учета фонетики и фонологии доля белорусских высказываний высока, а ниже доля гибридных и особенно русских (например, S-Па, P-Хо, M-Ша). У них гибридность

усиливается при учете фонетики и фонологии. Одним словом, есть ряд информантов в разных городах, у которых очень высока гибридность только или преимущественно на уровне фонетики и фонологии. Т. е., у них с учетом произношения гибридность возрастает вдвое или даже втрое. Общая гибридность высказываний, включающая в себя как первую, так и вторую артикуляцию, у данных информантов достигает подобных показателей, характерных для информантов, у которых гибридность сильно проявляется на глубинных уровнях (напр. *Р-Ба, К-Ра L-См, К-См*).

4. Если не различать первую и вторую артикуляцию и учитывать только общую гибридность, то различия между городами менее значительны, как показывает сравнение диаграмм 7 и 8: в Сморгони, где наблюдается наиболее высокий показатель гибридности на глубинных структурных уровнях (52 %), такая гибридность в два раза выше по сравнению с Хотимском (26 %), где, в свою очередь, наблюдается наиболее низкий показатель гибридности. Если сравнить только общую гибридность, то разница между Сморгонью (70 %) и Хотимском (49 %) составляет только 1.4.

Вывод

В центре внимания дальнейшей аналитической работы в нашем проекте будут находиться высказывания, для которых характерна гибридность на глубинных структурных уровнях. Это высказывания, внутри которых можно наблюдать переключения кодов или, точнее, смешение кодов в смысле более тесного переплетения двух кодов. Именно данные высказывания составят эмпирическую основу и помогут выяснить, в какой мере смешанная белорусско-русская речь спонтанна и в какой мере конвенционализирована. Именно с помощью таких высказываний можно проверить, наблюдаются ли предпочтения в случае конкуренции белорусских и русских элементов и структур.

Относительно высокой вариации белорусских и русских элементов у отдельных информантов следует проверить, не является ли отличие речи информантов, склонных к гибридности на глубинных уровнях, от речи информантов, несклонных к гибридности на глубинных уровнях, зато склонных к произношению русских элементов с белорусской фонетикой, только количественным. Информанты с тенденцией к гибридности на уровне первой артикуляции это преимущественно представители старшего поколения или мигранты из деревень. У молодых информантов или у тех, кто вы-

рос в городе, наблюдается более слабая тенденция к гибридности на глубинных уровнях. Является ли «поверхностная» гибридность молодых информантов количественным следствием предпочтения говорить по-русски и наблюдается ли качественное отличие гибридности на глубинных уровнях между представителями разных поколений – вопрос открытый. И, наконец, следует проверить, какое количественное и качественное влияние на вариацию в белорусско-русской смешанной речи оказывают такие социальные факторы как возраст, образование, происхождение (город, сельская местность).

Примечания

¹ Причем различие «лексики» и «грамматики» принимается не как дихотомическое, а скорее как скалярное. Таким образом, падежный признак является, например, «крайне грамматическим», корневые морфемы существительных – «крайне лексическими», а предлоги – промежуточными (между лексикой и грамматикой). Перераспределение элементов из первого и второго языка в смешанной речи происходит между промежуточными подгруппами (MATRAS, ВАККЕР 2003, 1 сл).

² Данное определение условно. Оно основывается на сложном алгоритме классификации, который в основном описан в статье (НЕНТСЧЕЛ 2008, 179–188) и не может быть повторен здесь.

³ Следующие цифры отражают объем Ольденбургского корпуса смешанной белорусско-русской речи по состоянию на март 2010 г. В целом корпус насчитывает 177.000 словоформ, 30.000 из которых на данный момент не обработаны. Окончательный объем будет составлять около 200.000 словоформ.

⁴ Абстрагируемся здесь и ниже (п. 5) от диалектных показателей, т. е. от того, что в белорусских диалектах встречается и произношение /e, a, o/ как /i/ (например, в рамках диссимилятивного яканья) и мягкое /г'/ (БЛНАВА, МЯЦЕЛЬСКАЯ 1969, 42–49).

⁵ Тут в лингвистической литературе имеется терминологическая проблема. Некоторые исследователи употребляют в качестве общего термина для феномена проявления контакта двух языков или кодов в речи «переключение кодов» (так например, ХЕНЧЕЛЬ, ТЕШ 2009), другие – «смешение кодов». Есть авторы, которые употребляют первый термин для менее интенсивного «переплетения» кодов в речи, второй – для более интенсивного, едва ли не стабилизированного (МУYSKEN 2000, 1–34 дает обзор дискуссии). Здесь достаточно сказать, что в собранном материале смешанной белорусско-русской речи наблюдают-

ся разные типы переключения кодов (в широком смысле), «альтернирующий» (частично даже сознательный), «инсерирующий» и, самый важный и наиболее частотный тип, который Майскен (Muysken 2000, 122–153) называет «конгруэнтной лексикализацией». Этот тип наблюдается прежде всего при контакте генетически и структурно близких друг к другу языков. В таких случаях в смешанной речи местами, как известно, достаточно трудно определить, где (и как часто) происходит «смена» кодов (об этом для белорусско-русского контакта см.: Хенчель 2008, 209 сл.). Если предлагать и количественный анализ этого феномена, как мы это уже делали (см. Хенчель, Теш 2009), то такой анализ основывается на частично условном алгоритме, который в том числе определяет, как поступать с общими для двух кодов элементами (см. Хенчель 2008).

⁶ Т. к. словоформы из Октябрьского в момент анализа были обработаны только на 40 %, данные из этого города исключаются из количественного анализа высказываний и переключения кодов.

⁷ Высказывания определяются как белорусские, если они содержат белорусские (и общие) словоформы; как русские, если они содержат русские (и общие) словоформы и как гибридные, если они содержат как белорусские, так и русские (и общие) словоформы. Общие предложения содержат исключительно общие словоформы. Общие высказывания бывают короткими. Это связано с тем, что ввиду преобладающего большинства общих словоформ вероятность появления в высказывании белорусской или русской словоформы повышается в зависимости от длины высказывания: средняя длина общих высказываний составляет 1,91 словоформы, белорусских и русских – (3,96 и 4,08), которые, в свою очередь, в среднем короче гибридных высказываний (6,76 словоформы).

Литература

БЛІНАВА, Э., МЯЦЕЛЬСКАЯ, Е. Беларуская дыялектологія. Мінск, 1969.

Генчэль, Г., Тэш, С. Трасянка: у якой ступені яна «русская», «беларуская» або «агульная»? // Веснік БДУ. Серыя 4. 2007. № 1. С. 85–91.

Хенчэль, Г., Теш, С. О лингвистическом статусе трасянки // Микроязыки, языки, интерязыки: Сб. в честь ординарного проф. А.Д. Дуличенко. Тарту, 2006. С. 258–270.

Хенчэль, Г., Теш, С. Переключение кодов в трасянке (некоторые количественные наблюдения) // Славянские языки: аспекты исследования / Ред. Е.Н. Руденко. Минск, 2009. С. 209–215.

HENTSCHEL, G. Zur weißrussisch-russischen Hybridität in der weißrussischen «Trasjanka». In: P. Kosta & D. Weiss (Hg.), *Slavistische Linguistik* 2006/2007 [= *Slavistische Beiträge* 464]. München, 2008. S. 169-219.

MARTINET, A. La double articulation linguistique // *Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague* 5. 1949. S. 30-37.

MATRAS, Y., BAKKER, P. The mixed language debate. Theoretical and empirical advances. Berlin, 2003.

MUYSKEN, P. *Bilingual speech*. Cambridge, 2000.

Бернхард КИТТЕЛЬ,
Диана ЛИНДНЕР (Ольденбург)

СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА ВЫБОРА ЯЗЫКА. ЛИНГВОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ «СМЕШАННОЙ РЕЧИ» В БЕЛАРУСИ

Введение

Статья посвящена вопросу о том, какие социоэкономические критерии влияют на распространение смешанной белорусско-русской речи в Беларуси¹. С лингвосociологической точки зрения с языком связаны ценности, которые создают базу для социальной идентичности. Функция языка зависит от социального контекста, в котором им пользуются, а развивается язык на основе языкового поведения, установившегося в соответствующем контексте социального взаимодействия. (SCHÜTZEISHEL 2004, 49).

Согласно *P. Bourdieu* (2005) в языковой коммуникации выражаются соотношения сил, которые отражаются в закреплении одного «легитимного» языка, т. е. определенного узуса. Данный узус становится языковым эталоном, и всякая форма речи говорящих сопоставляется с ним. Говорящие вынуждены оценивать собственное языковое поведение, и, таким образом, вырабатывают способность подбирать подходящие формы выражения. Однако, распределение таких способностей неравномерно. Это зависит от того, насколько говорящий связан с учреждениями, в первую очередь образовательными. Индивиды с более высоким уровнем образования развивают лучшие способности овладения преобладающими